

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

В. Ю. Давыдова

В статье рассматривается мифомышление и язык; эксплицируется понимание пространства через его вербальное описание; анализируется миф, стоящий у истоков не только философии, но и науки; интерпретируется логика местоположения.

Ключевые слова: миф, время, пространство, стрела времени, логика

У статті розглянуто міфомислення і мова; експлікується розуміння простору за його вербальним описом; аналізується миф, що стоїть на початку не тільки філософії, але й науки; інтерпретується логіка місцезнаходження.

Ключові слова: міф, час, простір, стріла часу, логіка

Mythological space and time is analyzed thought peculiarities of myth, energema. Central dramatic conflict in the Western thought is connected with the concept of "time arrow". Myth in its enigmatic aspect predicts some aspects of reality, which will be discovered by science then.

Key words: myth, space, time, "time arrow"

Актуальность. Диалектика мифологического мышления и язык мифомышления как тип отражения действительности, в котором мир представляет собой единство реального и фантастического, материального и духовного, объективного и субъективного, конкретно чувственного и абстрактного, является еще недостаточно изученным. Символические формы выражались преимущественно синкретическими структурами.

Слово «миф» вмещало такие значения, как «духовная деятельность» и, что особенно важно для постижения сущности и функции мифологического мышления, «слово в действии». Для постижения мифологического (мифического – А.А. Потебня) мышления и форм его выражения особый интерес представляют исследования В.Ф. Гегеля, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Мюллера, Л. Леви-Брюля, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, К. Леви-Стросса, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева.

Особое место в изучении мифотворчества занимает теория мифического мышления А.Ф. Лосева («Философия имени» (1926), «Диалектика мифа» (1930) и др.) В теории А.Ф. Лосева изучается диалектика мифологического духа. Анализируя допредметную структуру имени, ученый утверждает, что феноменально-диалектическое раскрытие сущности структуры слова в мифе – одна из существенных сторон человека, его экзистенции [5]. Важным фактором функционирования мифологического мышления и языка следует считать активность энергема. Особенности ситуации и взаимодействия энергема как «определяющий фактор жизнедеятельности» слова реализуется в разных символических формах языка. Какое же понимание пространства отражается в его обыденных вербальных описаниях? Известно, что, с тех пор как человечество начало размышлять об основаниях своего бытия, было выработано несколько концепций пространства.

Первоначальное, архаическое понимание пространства, составляющее часть мифологической картины мира, наделяет его следующими свойствами:

1) неотделимость от времени; 2) неразрывная связь с вещами, которые конструируют пространство (первотворец, боги, люди, животные, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры; 3) отделимость пространства от того, что им не является; 4) составимость пространства [7, с. 240-242] – «язык стремится в чувственной, видимой, физической форме запечатлеть невидимый физический мир» [3, с. 379]. Психологи отмечают, что одним из способов объективации и фиксации в слове многих характеристик образа может служить их перевод в пространственную характеристику. Пространственные отношения могут рассматриваться как базовая система признаков, способная в вербальной форме отразить структуру многомерного психического образа [4, с. 105]. В этноязычных метафорических картинах мира процесс сложения больших и малых пространственных объектов одновременно индивидуален и типологичен, причем система средств выражения неопределимо большого количества, всегда стремится к экспрессивности, художественности, яркой образности.

Наше социально сконструированное понимание того, как вещи реально существуют, серьезно устарело. Мы – ньюто尼亚цы в эйнштейновском мире. Мы бессознательно верим в мир бесконечной однородной протяженности во времени и пространстве. Но мир современной физики – это мир, в котором пространство и время искривлены. Имеют начало и, возможно, конец. Другими словами, пространство и время обладают более локальными и частными характеристиками, они более уникальны, чем мы воображали. Наука состоит не столько из доказанных фактов, сколько из фундаментальных представлений о том, как вещи существуют, из предвидений. К такому взгляду на науку подошли философы и историки науки последних двух десятков лет.

Илья Пригожий и Изабелла Стенгерс в предисловии к русскому изданию своей книги «Порядок из хаоса» пишут, что в истории западной мысли центральное место занимает конфликт, связанный с понятием времени. Это противоречие между инновационным временем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира. «Как ни странно, но именно это противоречие послужило причиной острой дискуссии между Лейбницем и представителем взглядов Ньютона английским философом Кларком. Переписка между Лейбницем и Кларком позволяет представить взгляды Ньютона в новом свете: «природа для Ньютона была не просто автоматом, а несла в себе активное производительное начало» [6, с. 5].

Процесс деградации и равномерного рассеивания энергии получил название энтропии. Энтропия – это уменьшение разнообразия в мире, а неэнтропия – его увеличение. Энтропия есть падение в хаос, в устойчивый беспорядок, в однообразное равновесие, а неэнтропия – становление космоса, неустойчивого равновесия порядка в разнообразии.

Второе начало термодинамики гласит: в изолированных (замкнутых) системах – а Вселенная, с точки зрения основателей термодинамики Р. Клаузиуса и И. Больцмана, является замкнутой – энтропия с неизбежностью возрастает. И если запас энергии во Вселенной с неумолимостью иссякает и она постоянно сбавляет обороты, тогда время перестает быть однородным и обратимым и приобретает четко выраженную направленность. Для выражения направленного и необратимого течения событий во Вселенной А. Эдингтоном было введено понятие «стрелы времени». Вот что пишет о втором начале термодинамики Эдингтон: «С точки зрения философии науки концепцию, связанную с энтропией, несомненно, следует отнести к одному из наиболее значительных вкладов XIX в. в научное мышление. Эта концепция ознаменовала реакцию на традиционную точку зрения, согласно которой все достойное внимания науки может быть открыто лишь путем рассечения объектов на микроскопические части» [9, с. 68].

Второе начало термодинамики внесло серьезный диссонанс в механистическую картину мира, сменив ньютоновское обратимое время на необратимое и введя понятие стрелы времени. Аналогичного масштаба диссонанс внесла в нее и теория эволюции, существенно смягчившая жестокий, лапласовский детерминизм и уравнивавшая в правах необходимость и случайность.

Наше видение природы претерпевает радикальное изменение в сторону множественности, темпоральности и сложности. Необходимая сложность привела не к замедлению прогресса науки, а, наоборот, способствовала появлению новых концептуальных структур.

Потребность свести многообразие природы к хитросплетениям иллюзий свойственна западной мысли со времен греческих атомистов. Лукреций, популяризуя учения Демокрита и Эпикура, писал, что мир – всего лишь «атомы» и пустота. В работах греческих атомистов побудительным мотивом было стремление не принизить природу, а освободить человека от страха. Лукреций неоднократно повторяет, что бояться нам нечего, что в мире нет ничего, кроме вечно изменяющихся комбинаций атомов в пустоте.

И. Пригожин подчеркивает: «Время в лишнюю времени Вселенную ввел человек. Для нас неприемлемо такое решение проблемы необратимости, при котором необратимость изводится до иллюзии или является следствием тех или иных приближений, поскольку, как мы теперь знаем, необратимость может быть источником порядка, когерентности, организации» [6, с. 23].

Проблема необратимости и поныне остается предметом оживленных споров. И. Пригожин далее пишет, что неверие в существование времени таит в себе культурную компоненту. В своей книге он неоднократно цитирует Эйнштейна. Его окончательный вердикт: «Время (как необратимость) – не более чем иллюзия» [6, с. 24]. Уже Больцман понимал, что между вероятностью и необратимостью должна существовать тесная связь. Различия между прошлым и будущим могут входить в описание системы, если система ведет себя достаточно случайно. В чем смысл стрелы времени?

Стрела времени является проявлением того факта, что будущее не задано, т.е. того, что, по словам французского поэта П. Валери, «время есть конструкция» [6, с. 25].

История поисков рационального объяснения мира драматична. В унификации некоторых действующих в природе фундаментальных сил был достигнут значительный прогресс: «...наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» [6, с. 11]. В классической науке основной акцент делался на законах, не зависящих от времени. Наука начала успешный диалог с природой. И первым результатом этого диалога явилось открытие безмолвного мира (плерома, 9).

В наши дни основной акцент научных исследований переместился с субстанции на отношения, связь, время. По своему характеру наша Вселенная плюралистична, комплексна. «Структуры могут исчезать, но могут и возникать» [6, с. 18]. В любом масштабе самоорганизации сложность и время играют неожиданно новую роль. Время в классической механике низведено до роли параметра, будущее и прошлое эквивалентны. «Хотя мир не ставит перед собой сознательно, в качестве своей цели, раскрытие тайн природы, однако идеи многих научных открытий предвосхищены мифологией эллинов: теория относительности, теория физики микрокосмоса, понимание времени как длительности, морфологический закон метаморфозы» [2, с. 13]. Мы узнаем, как произвольно миф играет временем, как один и тот же

предмет может казаться то большим, то меньшим. Чтобы перейти с одного места на другое, предмет преодолевает пространство, равное нулю, или аннулирует время: время выключено [2, с. 14-15].

Г.Х. Фон Вригт в статье «Модальная логика местоположения» пишет об основной концептуальной черте времени: его направленности /Стрела времени/.

Время имеет недостижимую для нас, пребывающих в настоящем, порцию прошлого и будущего, куда нельзя попасть несвоевременно. Время движется; мы не можем двигаться во времени. Зато в пространстве пятятся и шествуют вперед [1, с. 8-9]. Другими словами, пространственный порядок реверсивен, временной нет. Г.Х. Вригт выявляет основные структурные различия пространства и времени при помощи логической системы, которую он называет логикой местоположения (Logic of place).

Современные учения, изучающие пространства, возвращаются к идеям В.Н. Топорова [7]. В работе «Пространство и текст» он утверждает, что существует два понимания пространства по Ньютону и по Лейбницу. Эти различия сводятся в конечном счете к тому, что одно отвлечено от человека, другое одушевлено его присутствием, определяется порядком сосуществования вещей [8, с. 228]. Пространство, по Лейбницу, прочитывается, трактуется человеком. А ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии. Нам кажется более убедительной такая трактовка пространства, которой придерживается большинство когнитологов: человек не может отвлечься от чувственных элементов его восприятия, но пользуется при этом геометрической концептуализацией пространства. Исследования Л. Телми, А. Херсковича, Б. Ландау выполнены в таком аспекте. Особенно известны те работы Топорова, которые посвящены творчеству С. Кржижановского. Писатель был объектом и субъектом иррационального «минус пространства». Он творил его по своим матрицам, где «природное», психоментальное неотделимо от культурного. В этом смысле есть все основания говорить об изоморфизме творца и творения, поскольку и в каждом из них порознь творящее и творимое начала неразрывно связаны друг с другом – ситуация, характеризующая явления той особой вовлеченности зависимости, остроты и напряженности, которые придают этой ситуации черты подлинного драматизма, парадоксальности и чреватые неожиданными решениями [14, с. 476]. Миф об этом «минус пространстве» был создан Кржижановским, но само пространство не создало мифа о писателе. Здесь миф понимается как «смыслостроительная» конструкция. В архаической триаде символ – слово – дело как бы снимается противопоставление её членов и она приобретает статус некой общезначимой парадигмы.

Мы увидим, что воображение, познавая, теоретически угадывало раньше и глубже то, что впоследствии докажет наука, ибо имажинативный, то есть воображаемый, объект мифа не есть только выдумка, а есть нечто предугаданное в нем, в имажинативном, или воображаемом, объекте [2, с. 13]. Бесконечность смысла мифа сохранила и сохраняет нам мифологические образы на тысячелетия, несмотря на новые научные аспекты и на новые понятия нашего разума.

Вещи начинаются в пространстве и времени и всегда остаются конфигурациями пространства и времени. Те признаки пространства – времени, которые остаются постоянными при изменениях, познаются как категории. В процессе воздействия времени на пространства возникают все более сложные конфигурации.

Литература:

1. Вригт фон Г.В. Модальная логика местоположения // Логический анализ языка. – М., 2000.
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987.
3. Гумбольдт В. Языки философии и культура. – М., 1985.
4. Ломов Б. Ф., Беляев А. В. Вербальное кодирование в познавательных процессах. – М., 1985.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 2001.
7. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и культура. М., 1983.
8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.
9. Юнг К. Г. Семь проповедей для мертвецов. – Stuart and Watkins, 1967.

Поступила 25.02.2004 г.